

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ: МЕТАКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье анализируются основные подходы в теоретической разработке малоисследованной темы – интеллектуального контроля. Рассмотрены истоки разработки темы, основные теоретические подходы к пониманию содержательной специфики данной феноменологии. На основе авторской методики проведено исследование интеллектуального контроля, в частности взаимосвязи шкалы интеллектуального контроля с показателем психологической регуляции теста Г. Роршаха. Определена роль интеллектуального контроля как важнейшей психологической характеристики, определяющей эффективность психологической регуляции в условиях социального взаимодействия.

Обращенность к исследованию проблем психологической регуляции отмечается как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Акцент в последних работах, как отмечает видный исследователь психологии интеллекта М.А. Холодная, сдвигается в сторону изучения метакогнитивных процессов, отвечающих за управление ходом текущей интеллектуальной деятельности. Представляет значительный интерес онтологическая теория интеллекта М.А. Холодной, в рамках которой интеллект определяется как форма организации индивидуального ментального опыта. В свою очередь, одной из форм ментального опыта является метакогнитивный опыт. В составе метакогнитивного опыта автор выделяет четыре типа ментальных структур, обеспечивающих различные формы саморегуляции интеллектуальной активности, такие, как:

- произвольный интеллектуальный контроль;
- произвольный интеллектуальный контроль;
- метакогнитивная осведомленность;
- открытая познавательная позиция.

Таким образом, в психологии познания отмечается достаточно выраженная тенденция к отходу от традиционных исследовательских моделей и обращение к изучению различных аспектов опыта. Это достаточно отчетливо прослеживается в подходах разных исследователей, независимо пришедших к разработке метакогнитивных аспектов опыта. Это и обращение к анализу опыта и мониторинга деятельности у Р. Стернберга, и разработка различных аспектов интеллектуального контроля в когнитивно-стилевом направлении (Уиткин, Холодная М.А., Колга). На первый план в этом контексте выступают аспекты интеллектуальной регуляции.

Особую значимость в исследовании метакогнитивных аспектов опыта в последних разработках приобретает тема контроля. Обратимся к анализу подходов, представляющих истоки и предшествующих разработке данной темы. Начало развития научных представлений в данной области относится к проблеме локуса контроля и теорий атрибуции. В качестве самостоятельной единицы анализа характеристики локуса контроля выделил Дж. Роттер (1966). Автор поставил вопрос о поиске причин, влияющих на общий результат деятельности, конкретнее – локализации причины поведения внутри или вне субъекта, что обусловило выделение концепта локус контроля, прочно вошедшего в психологический тезаурус. Данный подход характеризует стабильные, генерализованные ожидания в отношении причин происходящих событий в отличие от современных разработок по данной проблеме. Последующие исследования продемонстрировали, что фактор локуса контроля связан с малой кросс-ситуационной согласованностью поведенческого реагирования.

В теории когнитивной атрибуции, поставившей вопрос о причинной обусловленности событий, происходящих в субъективной жизни личности. В центре внимания с позиций атрибутивного подхода находятся субъективные суждения о причинах тех или иных действий или событий в субъективной жизни личности, суждения о причинах совершенных событий обуславливают эмоциональные и мотивационные реакции. Субъективные ожидания причинности, начало которых положено в теории когнитивной атрибуции, играют важную роль в последующих исследованиях по проблеме субъективного контроля, включаясь в более сформированные теоретические концепции по данной проблеме. Как отмечается в обзоре современных когнитивных теорий, представленном в монографии Дж. Капра, Д. Сервон "в современных теориях о контроле больше внимания уделяется представлениям о будущем, так как психические образы будущего обладают значительной мотивационной силой... Мотивационные тенденции в значительной мере объясняются преимущественно с точки зрения человеческой способности к предвидению" (4, 472).

В современных исследованиях контроля происходит сдвиг направления научных разработок в сторону изучения ожиданий в отношении собственной эффективности. Одно из главных различий последних тенденций в исследовании проблемы контроля сравнительно с предыдущими подходами (теории когнитивной атрибуции, локуса контроля) состоит в том, что воспринимаемая самооэффективность рассматривается не в качестве мотива или потребности, а как когнитивная оценка. Чрезвычайно важно также то, что в современных разработках термин контроль используется для обозначения, как субъективного восприятия, так и объекта саморегуляции (E. Skinner, 1996). "В центре внимания оказываются когнитивные структуры, лежащие в основе суждений о причинности и специфические способы увязывания человеком каузальных представлений с определенными людьми, социальными ситуациями и важными жизненными событиями" (8, 469). Таким образом, воспринимаемая самооэффективность определяется как система представлений, регулирующих действия, направленные на достижение цели.

Наиболее разработанная и целостная социально-когнитивная теория, достаточно близкая по содержанию современным концепциям субъективного контроля – теория Bandura. Социально-когнитивные единицы анализа в данном подходе – это переменные типа "личность в контексте".

Метакогнитивная концепция, на основании которой сформировалась область исследований субъективного

контроля, была разработана Flavel (1971 – 1977 годы) в связи с исследованием процессов памяти. Автор сосредотачивал внимание преимущественно на различных аспектах стратегий решения задач (т.е. процедурных характеристиках когнитивных процессов). Были выделены следующие аспекты, составившие начало разработки метакогнитивной концепции:

- общее осознание своих когнитивных способностей;
- знание об эффектах свойств и требований задачи;
- стратегии контролирования выполнения.

Таким образом, работа этого автора обозначает начало разработки данной темы. В самостоятельную теоретическую область анализа эта феноменология выделилась позже – в работах по исследованию психологической природы памяти (исследования Atkinson&Shiffrin). Работы этих авторов представляют значительный интерес в том контексте, что впервые было осуществлено разделение когнитивных стратегий на:

- сознательные усилия субъекта по осуществлению контролирования;
- когнитивных процессов, которые осуществляются без сознательных усилий субъекта (процессы кодирования, сканирования, принятия решений).

Дальнейшие исследования позже реализовались в работах Butterfield, Wambold&Belmont (1973 г.) в связи с исследованием способности отслеживания собственных стратегий в зависимости от сложности требований задачи. В исследованиях этих авторов в отличие от предыдущих разработок особое значение приобретает спонтанная оценка происходящего и процессы координации собственных усилий. Данный аспект когнитивной активности получает название – мониторинг стратегий выполнения, приобретающий затем широкую распространенность и используемый в различных психологических и социологических исследованиях. В качестве исполнительских стратегий наряду с мониторингом авторы выделяют целеполагание, содержательно связывая его с антиципацией и стратегическим планированием. Таким образом, логика развития научных представлений по данной тематике привела к разграничению процессов принятия решения и когнитивных функций, фокусирующихся преимущественно на процессах, связанных с субъективной регуляцией. С позиций анализа процессов "Я"-регуляции были выделены следующие уровни анализа данной феноменологии:

- метакогнитивные способности (в основе которых лежит знание о своих когнитивных функциях);
- процессы кодирования (классификация, индукция-дедукция и др.);
- целеполагание и планирование (процессы антиципации, планирования и контроля), координирующие и контролирующие процессы кодирования.

Последующее развитие научных представлений, имеющее непосредственное продолжение и тесную содержательную связь с современными разработками реализовалось в работах Flammer (90 –е годы). Работы этого автора представляют одну из первых формулировок метакогнитивной теории, хотя в большинстве современных публикаций начало разработки проблемы, как уже указывалось, относят к работам Роттера. Особая значимость разработок автора по данной тематике связана с разграничением двух важных понятий:

- контроля объективных условий настоящего (аспект контролирования активных действий, осуществляемых субъектом);
- убеждений контролирования (аспект регуляции субъективных представлений и стратегий исполнения);

Автор рассматривает второй из упомянутых аспектов как более значимый в регуляции поведения, а также как более динамичное когнитивное образование. Собственно этот аспект и соответствует современному пониманию проблемы субъективного (воспринимаемого) контроля. Автор выделил термин control-believe (убеждение контролирования), определяемый как субъективные репрезентации о собственной способности оказывать влияние на происходящие события. Этот концепт обнаружился в ходе сравнения когнитивного функционирования успешных и неуспешных студентов и стал рассматриваться автором в качестве базовой потребности человеческого существования. Flammer поставил также вопрос о включенности осознаваемых процессов в ходе регуляции активности субъекта, что затем в последующих исследованиях проявилось в выделении двух его видов: произвольного и непроизвольного когнитивного контролей.

Понятие компетентности – основополагающее в исследовании психологической природы феномена субъективного контроля, лежащее в основе мотивации контролирования. Убеждения субъективного контроля, таким образом, часть более широкой системы, обозначаемой как система компетентности, которая является функцией целенаправленного и регулируемого взаимодействия со средой. Практически все теории, исследующие данную тематику, так или иначе, связаны с разработкой системы компетентности. В целом, по данным большинства авторов, субъективный контроль в большинстве исследовательских моделей анализируется в тех случаях, когда система компетентности подвергается испытаниям (состояние фрустрации, неудачи, стресса, неконтролируемости либо недостижимости цели).

Наибольшую актуальность субъективный контроль приобретает в связи с инициацией попыток достижения эффективного социального взаимодействия. Таким образом, теоретически проблема субъективного контроля в значительной мере связана с характеристиками мотивации деятельности. Как указывает Э. Скиннер (120, 115), определение содержательной специфики субъективного контроля связано со следующими мотивационными характеристиками:

- инициацией активности;
  - разработкой стратегий и пошаговым структурированием деятельности;
  - регуляцией усилий по преодолению препятствий в ходе выполнения;
- Система субъективных убеждений по Э.Скиннер имеет две функции:
- регуляция качества действий в ходе выполнения;
  - интерпретация качества после выполнения действия.

Основные различия упоминаемых теорий состоят в локализации фокуса убеждений на одной из выделенных

функций.

С самого начала разработка проблемы воспринимаемой самооффективности включала эмпирические модели исследования данного качества в условиях реальной жизни личности, в реальных жизненных обстоятельствах, что в значительной мере отличало данный подход от традиционных исследований познавательных процессов, выполняемых в лабораторных условиях. Исследование психологических проявлений этой интереснейшей когнитивной характеристики позволили выявить тот факт, что представления о самооффективности в значительной мере оказывают влияние на различные поведенческие характеристики, а, соответственно, эффективность деятельности в целом. В частности на:

- выбор вида деятельности (опосредованно на уровень притязаний);
- настойчивость и усердие в достижении цели;
- тип эмоционального реагирования (индивидуальные различия в воспринимаемой самооффективности связаны с проявлениями тревожности в ходе выполнения деятельности);

Низкие значения субъективного контроля по данным М. Jerusalem, R. Schwarzer связаны с большей уязвимостью влиянию стрессогенного опыта, более выраженной чувствительностью к неудаче, склонностью в большей степени интерпретировать физиологические реакции как проявления тревоги (10, 181). Стрессовые ситуации воспринимаются ими как более угрожающие, драматичные, усиливающие напряжение и угрозу. Таким образом, чувство Я-эффективности, лежащее в основе параметра субъективного контроля – это не только фактор, опосредующий ресурсы, собственные возможности и требования актуальной ситуации, но и параметр, являющийся буфером по отношению к воздействию стрессогенного опыта.

Данные последних исследований позволяют сделать вывод о возможности контролировать опыт собственной жизни за пределами результатов взаимодействия с окружением, что сдвигает акцент рассмотрения проблемы в сторону большей актуальности исследования аспектов воспринимаемого контроля (Skinner, 1995; Bandura, 1989; Fiske & Taylor, 1991; Levin, 1994; Thompson, 1993). В этом контексте важен вывод ряда исследователей проблемы контроля о том, что после переживания травматического события личность занята не столько предотвращением возможных будущих травматических событий, сколько компенсацией, восстановлением контроля над психологическим функционированием.

С целью эмпирического исследования феноменологии контроля была разработана авторская методика исследования. В разработке методики использовался принцип репертуарных решеток с позиций ситуативного подхода. В качестве элементов, которые должен был оценивать испытуемый, были использованы эмоционально-трудные жизненные ситуации. Описания таких ситуаций относились к следующим областям жизнедеятельности:

- профессионально-делового взаимодействия;
- интимно-личностных отношений;
- самопознания;
- мировоззренческих установок.

Эти описания носили обобщенный характер и охватывали целый класс конкретных ситуаций. От испытуемого требовалось из предложенного списка отобрать описания тех ситуаций, которые ему представлялись значимыми или интересными для оценки (не менее 5-ти). Затем необходимо было припомнить конкретные жизненные ситуации, соответствующие обозначимым. Таким образом, достигалась индивидуализация элементов методики, и в то же время, гарантировалась достаточная степень их подобия по интересующим параметрам.

В качестве конструкторов репертуарной решетки выступали специально сформулированные утверждения, наиболее точно отражающие субъективные представления о различных аспектах эмоционально-трудной ситуации и способов ее преодоления. Процедура проведения методики предполагала отбор значимых эмоционально-трудных ситуаций, а также последующую их оценку по шкале интеллектуального контроля, включающей параметры оценивания и преодоления эмоционально-трудных ситуаций. В результате выполнения процедуры обследования каждым испытуемым заполнялась матрица репертуарной решетки. Результаты заполнения матрицы подвергались статистической обработке.

Перейдем к изложению основных результатов проведенного эмпирического исследования, ставящего целью исследование содержательной специфики данной феноменологии. Представляют интерес различия используемых показателей по выборке "компенсация" и "норма" по основным характеристикам регуляции, диагностируемым Роршах-тестом. Выборка испытуемых со сформированной компенсаторной мотивацией составила 47 личностей с различными психологическими особенностями (акцентуации характера), реализующими такую мотивацию в реальной поведенческой активности. Программа эмпирического исследования включала: заполнение авторской шкалы интеллектуального контроля и проективного теста Г. Роршаха с последующей статистической обработкой и углубленным анализом результатов проведенного исследования.

Мы обратились к одной из малоизученных, но представляющих в данном контексте значительный интерес феноменологии компенсации одних психологических особенностей другими. Отмеченная тематика представляет особый интерес с точки зрения углубления представлений об интеллектуальном контроле, так как именно процессы компенсации предполагают активное вовлечение в процессе психической деятельности механизмов самомониторинга. Успешная компенсаторная активность предполагает развитость эффективно функционирующих регулятивных механизмов психической деятельности, так как в ходе формирования желаемых качеств субъекту приходится удерживать в сознании два плана психической активности и включать эту информацию в ходе оперативной активизации когнитивных и личностных ресурсов в ходе построения поведенческой активности. Один план – ранее сформированных у субъекта психологических качеств, второй – представленных в идеальном образе желаемых психологических качеств, предполагаемых субъектом для развития и формирования. К изучению данной феноменологии в современных концепциях обращаются также представители социально-когнитивного направления в связи с разработкой проблемы мониторинга поведенческой активности в ходе ее выполнения преимущественно в стрессогенных жизненных обстоятельствах. Фокус рассмотрения проблемы, таким образом, сдвигается на процессы функционирования личности в норме. В ходе реализации

компенсаторных интенций достаточно активно вовлекаются различные когнитивные и мотивационные процессы, что связано, как правило, с достижением субъективно-значимой цели. В процессе достижения этой цели особо важная роль отводится использованию личностью максимально гибких стилей и приспособления. Такого рода активность предъявляет повышенные требования к возможностям эмоционально-волевой регуляции.

Перейдем к описанию и интерпретации основных корреляционных зависимостей, полученных в эмпирическом исследовании. Так, шкала интеллектуального контроля дает прямые корреляционные зависимости со следующими показателями Роршах-теста:

- индексом реалистичности ($r = 0.76, p < 0.01$);
- способностью субъекта к экономному использованию собственных психологических ресурсов ($r = 0.75, p < 0.01$);
- степенью контролируемости открытых эмоциональных проявлений ($r = 0.26, p < 0.05$);
- способностью к сознательному контролю процессов мышления ($r = 0.45, p < 0.05$);
- способностью к самостоятельной инициации активности ($r = 0.69, p < 0.01$);
- отрицательная корреляционная зависимость со степенью контроля объективных условий происходящего в социальном взаимодействии ($r = 0.52, p < 0.05$).

Интересны также взаимосвязи данного показателя со следующими характеристиками, диагностируемыми Роршах-тестом. Положительные корреляционные зависимости отмечаются со следующими диагностическими показателями: количеством W-ответов – целостностью восприятия ($r = 0.44, p < 0.05$); количеством D-ответов ($r = 0.83, p < 0.01$) – ориентацией на активность с практической направленностью; индексом реалистичности RI ($r = 0.58, p < 0.01$) – реалистичностью восприятия и мышления; F+ ($r = 0.65, p < 0.05$) – количеством ответов с хорошей формой, предполагающих ориентацию на четкость процессов мышления, склонность к структурированию неопределенного материала; индексами – M: ($FM + M$) – $r = 0.55, p < 0.01$, диагностирующими преобладание сознательных конструктивных тенденций в решении жизненных проблем; F+ : (R – F+) – $r = 0.57, p < 0.01$ – успешность использования собственных психологических ресурсов; FK + F + FC – $r = 0.66, p < 0.01$, диагностирующем регуляцию степени эмоциональной привязанности к людям.

Таким образом, полученные в исследовании корреляционные зависимости позволяют существенно уточнить специфику феноменологии интеллектуального контроля. Данные результаты подтверждают теоретические предположения об исследуемом психологическом механизме как характеристике непроизвольной регуляции психологических ресурсов субъекта в противоположность контролю объективных условий происходящего (произвольному контролю) – традиционно разрабатываемому аспекту по данной тематике. Высокие значения прямых корреляционных зависимостей шкалы интеллектуального контроля с такими важными показателями регуляции как индекс реалистичности и эффективность использования собственных психологических ресурсов демонстрируют значимость этой характеристики как важнейшего параметра психологической регуляции внутриличностных субъективных состояний и интенций, механизма оперативной активизации когнитивных ресурсов субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградова Л.В.* Интеллектуальный контроль как способ интерпретации эмоционально-трудных жизненных ситуаций / Л.В. Виноградова // Психол. журнал, 2004. – Т.25. – №6. – С. 21 – 28.
2. *Виноградова Л.В.* Интеллектуальный контроль: метакогнитивные аспекты интеллектуальной регуляции / Л.В. Виноградова. – Киев, 2009. – 189 с.
3. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. – Москва: "Хранитель", 2008. – 478 с.
4. *Капрара Дж., Сервон Д.* Психология личности / Капрара Дж., Сервон Д. – СПб.: Питер, 2003. – 640 с.
5. *Практический интеллект* / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
6. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования / М.А. Холодная. – Томск, Москва: "Барс", 1997. – 392 с.
7. *Burger J. M.* Negative reactions to increases in perceived personal control // J. of pers. And soc. Psychol. – 1989. V. 56. – №2. – p. 246 – 256.
8. *Friedman M.J., Lackey G.H.* Gaining control. P. 21 – 49 // The psychology of Human control. A general theory of purposeful behavior. Ed. M.J. Friedman & G.H. Lackey. – New York, Westport, Connecticut, London, 233 p.
9. *Skinner E.A.* Perceived control, motivation & coping. Copyright. 1995, by Sage publication, Thousand Oaks, London, New Delhi Inc., 212 p.
10. *Jerusalem M. & Schwarzer* Self-efficacy as a resource factor in stress appraisal, p. 177 – 195 // Self-efficacy: Thought control of action, 1992. – 197 p.

Подано до редакції 12.09.2011